

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ СИКХИЗМА

Сикхизм, занимающий немаловажное место в системе религий Индии, имеет много последователей не только в Пенджабе, но и по всей стране и заслуживает серьезного изучения. В советской литературе, если не считать недавно вышедшего сборника «Гуру Нанак» [2], к сожалению, мало освещена религиозно-философская сторона сикхизма, хотя имеется несколько работ, посвященных социальной и политической истории сикхской общины. В числе этих работ следует упомянуть монографии: Н. И. Семеновой «Государство сикхов» [7] и «История сикхского движения в Индии» [8], книгу В. И. Кочнева «Государство сикхов и Англия» [4], статью того же автора «Пенджаб в период мисалей и государство; сикхов» [3] и статью И. М. Рейснера «Крестьянское движение сикхов во второй половине XVII и начале XVIII в.» [6]. Наша статья, не претендуя на исчерпывающий анализ догматов сикхской веры, ставит перед собой задачу изложить основные положения этого учения.

Сикхизм был основан Нанак (1469—1539), сыном мелкого торговца из касты кхатриев. Он родился в деревне Тальванди (теперь Нанкана Сахиб) в Пенджабе, бывшем тогда частью империи Великих Моголов. Нанак разработал все основные положения сикхизма и на длительный срок определил характер общины. Религиозно-философская система сикхизма на протяжении пяти с половиной веков своего существования претерпела ряд изменений, однако основные ее догматы остались почти такими же, как и в первой половине XVI в., когда Нанак начал проповедовать свое учение. Основатель сикхизма много сделал для пропаганды своей религии: если сообщения сикхских авторов о его путешествиях в Мекку, Медину, Багдад и т. д. не кажутся достоверными, то, во всяком случае, он немало ходил по Пенджабу, где приобрел последователей из числа индусов и мусульман. Нанак был первым гуру (вероучителем и главой) секты; его преемники носили этот титул до конца XVII в., когда десятый вождь сикхов, Говинд Сингх, радикально изменил характер общины и упразднил пост гуру. Восемь гуру, следующих за Нанак, продолжали развитие его идей и не внесли в сикхизм кардинальных новшеств; лишь Говинду Сингху было суждено наполнить идеологию общины новым духом и придать ей новый характер, хотя основные догматы религии Нанак и при нем остались непоколебленными.

В гимнах, поэмах и молитвах Нанак, вошедших в «Ади Грантх» — эту Библию сикхов, его взгляды излагаются не в систематической форме (которую естественнее было бы искать в философском или теологическом трактате, а не в поэтических произведениях), однако достаточно ясно, четко и последовательно, что облегчает их анализ.

Центральное место в философии сикхизма занимает понятие бога. Для доказательства существования бога ни Нанак, ни другие гуру не прибегали к изощренной системе аргументации, как это делали, например, идеологи христианства в Европе или философы индийских школ. Бог для вероучителей сикхизма был самоочевидной реальностью, и ни их эпоха, ни их аудитория не требовали доводов в пользу его бытия. Нанак не было нужды доказывать существование того, что его слушатели считали несомненным; когда речь заходила о вопросах теологических, он большей частью уделял внимание проповеди единства бога, что дало повод многим исследователям считать одной из важных отличительных особенностей сикхизма его монотеизм. «Толкуй об одном боге, о Нанак, откуда быть второму?» — постоянно повторяет гуру [12, т. I, 102]. Источники сикхского единобожия прежде всего следует искать в монотеистических тенденциях самого индуизма: религия Нанак, вышедшая из лона индуизма, обязана ему многими своими Доктринами. Важным фактором, повлиявшим на формирование монотеистических воззрений основателя сикхизма, равно как и на формирование многих других проповедовавшихся им идей, явилось учение средневековых индийских мыслителей, таких, как Рамануджа (XI в.), Нимбарка (XII в.), Мадхва (XIII в.), Чаитанья (XV в.), Валлабха (XV в.) и др. Трудно предположить, чтобы Нанак был близко знаком с их системами, особенно с их метафизическими тонкостями; однако эти философы создали в духовной жизни

средневековой Индии определенный настрой, который не мог не наложить на идеологию секты своего отпечатка. Это был период расцвета бхакти — доктрины, зародившейся в гораздо более древнее время, но широко распространившейся только в средние века. Тяготы, которые принесла с собой новая эпоха, вызвали в народе усиление религиозного чувства, и удовлетворить его могли лишь личный бог (что и сделало пантеистические тенденции сикхизма недолговечными) и вера, основанная не на чистом познании (джняна), как проповедовал, в частности, Шанкара, а на доступном каждому чувстве. Поэтому культ бхакти — абсолютной любви и преданности богу — приобретает широкое распространение: джняна-марг, карма-марг отодвигаются вначале на второй план, а потом вообще предаются забвению. Как пишет о религиозных течениях индийского средневековья французский исследователь И. Барт, «древний мир в конце концов сводил религию к факту знания — рационального, интуитивного или откровенного; секты возвратили ее к факту чувства» [1, 248]. Воцаряется убеждение, что спасение достигается лишь милостью бога как реализация не отягощенной религиозный знанием веры и преданности ему. Утверждается образ всеблагого, милостивого бога. «От Него не исходит никакое зло... Он благ, благи Его дела» [23, 92], — говорит пятый гуру Арджун в поэме «Сукх мани», излагающей основные догматы сикхской веры. Перенесение акцента в сферу эмоции и веры сопровождается распространением мистического подхода. Трудно утверждать с уверенностью, что Нанак был учеником кого-либо из вероучителей и певцов бхакти, в частности Кабира, хотя несомненно, что между сикхизмом первого гуру и той формой бхакти, которая нашла отражение в стихах Кабира, очень много общего. Следует, однако, отметить, что Нанак не разделял представления об аватарах, бывшего характерной чертой бхакти вишнуитов, и подобные идеи, как будет показано ниже, появились в сикхизме лишь при последующих гуру.

В посвященных сикхизму исследованиях много внимания уделяется вопросу о влиянии на сикхизм ислама, з особенности суфизма. Несомненно, что ислам в его суфийском варианте в какой-то степени отразился на учении гуру, в частности на формировании сикхского монотеизма; однако анализ произведений, помещенных в «Ади Грантх», позволяет сказать с уверенностью, что влияние ислама на вероучителей сикхизма было поверхностным.

Как показано в обстоятельном исследовании английского ученого У. Маклеода «Гуру Нанак и религия сикхов» [13], религиозно-философская система сикхизма в значительной мере сложилась под влиянием взглядов средневековых мыслителей-сантов, таких, как Намдев и Раидас (в «Ади Грантх» — Равидас) [13, 151—158]. Сравнительный анализ произведений этих авторов и взглядов Нанак показывает, что его учение явилось продолжением традиции сантов.

Характеризуя религию Нанак как монотеистическую, нужно отметить, что единобожие его с первого взгляда не кажется строгим. Безусловно, Нанак провозглашает свой монотеизм повсеместно, однако в произведениях его и других гуру нередко встречаются как упоминания о «богах» во множественном числе, так и имена богов индуистского пантеона. Гуру Арджун, например, говорит в «Сукх мани»: «Как разыгрывает Он свои пьесы, никто сказать не может, даже боги не могут высказать по этому поводу никакого суждения» [23, 62]. Сам Нанак, обращаясь к своему богу, говорит так: «Шива, Брахма и Деви, вечно прекрасная, ибо украшена она тобой, поют тебя» [12, т. I, 210]; в другом месте он объявляет своего бога «главой богов» [9, 55]. Это видимое противоречие сикхской системы объясняется тем, что другие боги попали в сикхизм из индуизма по инерции, неизбежной для рассматриваемой эпохи. Божества индуистского пантеона неминуемо должны были войти в систему религии, чей создатель и последователи были воспитаны на столь древней религиозной традиции. В сикхизме установилось подобие генотеизма, т. е. такой ситуации, которая предполагает поклонение одному богу, но не исключает существования других; подобная ситуация характерна для ведической религии [см. 10, т. I, 90—91]. Однако сикхизм есть доведение ведийского генотеизма до его логического завершения. Уже из приведенных выше высказываний гуру видно, что другие боги представляют собой лишь бледные тени божества, которому поклоняются гуру; когда же в священном писании сикхов начинают встречаться указания на то, что другие боги были созданы, как и все сущее, волей одного верховного божества, невозможно

становится подвергнуть сомнению строгость сикхского монотеизма, ибо, как замечает С. Радхакришнан, «бог созданный — уже не бог вообще» [там же, 90].

Как пишет в своей «Квинтэссенции сикхизма» современный сикхский автор Говинд Сингх, «строго говоря, у бога нет имени. Его можно называть „Анам", или „Безымянный". Более всего для обозначения бога подходит слово „Сатнам" — вечная и абсолютная Истина» [17, 51]. В той же работе приводится длинный список имен, которыми наделяют божество авторы учения сикхов: это и Бхагван, Брахма, Гопал, Говинд, Хари, Кришан, Муканд, Мадхо, Мурари, Пармешвар, Рам, Прабху и др. [17, 51; 13, 196], т. е. традиционные имена индуистского пантеона и вишнуитских сект, и Ал. лах, Хак, Кабир, Рахим, Разик и т. п., т. е. имена мусульманского происхождения [17, 51]. Имен, заимствованных у последователей ислама, значительно меньше, что лишний раз доказывает поверхностность мусульманского влияния на сикхизм по сравнению с влиянием индуизма. Гуру дали своему богу и новые имена: Мит-тар, Притам, Садджан, Яр, Кхарагкету, Сарбалох, Ма-хакал и т. д. [там же].

В вероучении Нанак нетрудно заметить пантеистические тенденции; например, он постоянно высказывается в таком духе: «Господь растворен и в море, и в суше, в горных и равнинных землях» [12, т. I, 154]. Но религию Нанак нельзя считать пантеистической в строгом смысле этого слова, так как пантеизм, отождествляя бога с природой, не противопоставляет ей его в виде творца, сикхизм же признает сотворение мира богом: «Господь сам создал мир и сам дал имена вещам» [12, т. I, 219]. По завершении творения бог сикхизма не устраняется от мира, а «управляет всем космосом» [23, 62]; это положение относится к разряду теистических, так что в конечном итоге сикхизм можно охарактеризовать как нечто среднее между пантеизмом и теизмом, или как пантеизм.

Бог в сикхизме имеет два аспекта — трансцендентный и имманентный, неличный и личный, неатрибутивный и атрибутивный, или «ниргун» и «сагун», как называют эти аспекты вероучители сикхизма. «Ниргун он, сагун он», — проповедует в «Сукх мани» гуру Арджун [23, 72]. «Квинтэссенция сикхизма» так раскрывает эти понятия: «Господь и в своем творении, и вне его. Он присутствует во всех вещах, но все вещи не исчерпывают безграничности бога. Господь выходит за пределы Вселенной, хотя он также и пронизывает ее. Бог в мире — и бог в то же время над миром... Трансцендентность бога выражается разными словами: бог есть "дур" (далекий), "баикунтх ка васи" (небожитель), "джаган натх" (владыка Вселенной). Именно в своей трансцендентной форме бог правит Вселенной, отдает приказы „хукам"» [17, 97—98]. Гуру Арджун, отмечая бессилие человека перечислить все качества бога («Не в силах человека петь Тебя») [23, 13], упоминает некоторые из них: бог для сикха «недостижимый, безграничный и непостижимый» [23, 26], никто не может сказать, как далеко простирается его власть [23, 17], «никто сказать не может, как обширен бог» [23, 37], «всевышний никогда не умрет» [23, 37], он «великий, таинственный и вне всяких измерений» [23, 56], «не имеющий формы» [23, 81], «свободный от оков майи» [23, 82], «бездонный» [23, 82] и т. д.

Как «ниргун» бог характеризуется и в своем трансцендентном аспекте и в тот период, когда он пребывал в одиночестве до начала творения. «Когда Господь был создан сам собой, не было больше никого; он советовался с самим собой; происходило лишь то, что он совершал... Существовал лишь сам Бесформенный; не было еще созидания», — проповедовал третий гуру Амар Дас [21, 2]. Затем был сотворен мир, и бог стал имманентен, атрибутивен — «сагун». Он и творец, и хранитель, и разрушитель, он создатель мирового порядка («хукам»), он воплощает в себе и Брахму, и Шиву, и Вишну. Им создан человек — «для счастья и любви» [17, 105].

Согласно учению сикхизма, человек от рождения наделен духовными силами, которые влекут его к слиянию с богом; однако негативная сторона его личности, эгоизм — «хаумаи» влечет его от соединения со всевышним. По воле бога действует, как и все сущее, закон перевоплощений: «Создатель, сотворивший мир, установил закон перевоплощения» [12, т. I, 229]. В этом Нанак не удался от индуистской традиции дальше певца бхакти Кабира, как и в своей вере в неумолимый закон кармы: «Не взваливай вину на других, вини свою собственную карму. Я пожинаю последствия своих поступков; мне больше некого винить» [12, т. I, 6]. Нанак

и его последователи принимают также понятие майи, однако для них она не означает иллюзорности всего сущего; майя — это суетное, преходящее, это погоня за мирскими благами, стремление к богатству и наслаждениям. Мир иллюзорен в том смысле, что он преходящ по сравнению с вечной божественной субстанцией; принять традиционную трактовку майи значило бы вступить в противоречие с пантеистической стороной веры, поэтому проповедники сикхизма наполняют это понятие новым содержанием. К владениям майи, безусловно, относятся земные почести и богатства, которые не в состоянии обеспечить человеку спасения: «Цари и императоры, владеющие океанами и горами богатства, не сравнятся с червем, который не забывает бога в сердце своем», — учил Нанак [12, т. I, предисловие, XIII]. Знатность и накопленные сокровища не спасут человека от ответа за свои поступки: «Как бы велик и знатен ни был человек, посланцы смерти набросят цепь ему на шею и заберут его. Там подводятся итог его поступкам; судья, сидя в кресле, берет этот итог и выносит приговор» [12, т. I, 222]. Гуру Арджун писал в «Сукх мани», что для праведника «что пыль, что золото — едино» [23, 37].

«Те, кого охраняют пики, для кого играют оркестры, кто сидит на тронах, кого превозносят, страдают от чрезмерной алчности и вожделения», — говорит Нанак [12, т. I, 20]. В его стихах нетрудно найти множество строк такого же рода [цит. по: 5, 78]:

Цари — мясники; их нож — жестокость.
Справедливость взмахнула крыльями и улетела.
Ложь царит повсюду; луна справедливости
не появляется на небосводе.
Я пытался отыскать путь,
Но во тьме ничего не видно.
Бескрайнее горе захлестнуло мир. Как спасти его? — думает Нанак.

Протест вызвали у основателя сикхизма резня и погромы, сопровождавшие вступление Бабура в Индию [цит. по: 5, 179]:

Закон, справедливость — все погребло,
ложь царствует всюду. И с индусами,
и с мусульманами поступают
одинаково жестоко.

Мусульманки читают Коран, уповая только на бога. Индуски также уповают на своего бога. Куда ни посмотришь — всюду льется кровь.

Несмотря на столь резкие высказывания, в этот период сикхи оставались, по выражению И. Барта, «чисто религиозной общиной безобидных пуритан» [1, 280]. Слова суфийского шейха Фариды: «Фарид, отвечай добром на зло, не давай места гневу в сердце своем» [12, т. III, 88] — всецело принимались первыми гуру, и многие произведения Фариды были включены в «Ади Грантх». Исходя из своего коренного догмата — о сотворении богом всего сущего, гуру утверждали, что все, в том числе и утверждение Бабура хозяином Дели, происходит по воле божьей [12, т. I, 117]:

Если ты, Господи, назначил Бабура хозяином, То что в нашей власти поделаться?

Точно так же наряду с отрицанием земных благ и осуждением неравенства Нанак говорил: «По Его приказу люди делятся на низших и высших» [12, т. I, 196]. Принятие догмата о божестве заставляло гуру косвенным образом оправдывать те явления, против которых они были склонны выражать протест. Даже самый непримиримый из гуру, Говинд, в сравнительно мирный период жизни общины «приказывал своим сикхам признавать главенство дома Бабура в светских делах, как они признавали верховенство дома Нанака в делах религии» [21, 51].

Итак, богатство и положение, согласно вероучению сикхизма, не приносят человеку спасения и не избавляют его от вечного скитания по цепи перевоплощений. Он проводит жизнь,

обуреваемый искушениями и пороками. «Квинтэссенция сикхизма» упоминает пять главных пороков: похоть («кам»), гнев («кродх»), жадность («лобх»), стремление к суетному («мох»), гордыня («аханкар») [17, 157]. Соблазны и искушения созданы богом для того, чтобы в борьбе с ними укреплялась человеческая душа. Передают слова гуру Арджуна, что, «для того чтобы развить священную силу, душа должна бороться с возделением, гневом, жадностью, обманом и эгоизмом» [21, 13]. Чтобы человек мог противостоять порокам, он наделяется волей.

Спасение состоящее в слиянии с абсолютной реальностью, с божественной субстанцией, доступно, согласно сикхизму, всем независимо от положения, кастовой принадлежности и т.п. В средневековом индийском обществе, разделенном множеством перегоронок, большую симпатию вызвал один из основных принципов сикхизма — признание равенства всех людей перед богом. Провозглашение этого принципа привлекло в ряды сикхов многих членов низших каст и вообще людей, стоявших на низших ступенях общественной лестницы. Впоследствии превращение гуру из смиренного проповедника в феодального властителя, растущее корыстолюбие наместников гуру — масандов — и т. п. постепенно поставили под сомнение первоначальную демократичность секты, но не уничтожили ее совсем, так как, несмотря на выделение привилегированной верхушки, секта была во многом избавлена от кастовых и других перегоронок тогдашнего индусского общества.

Когда Нанак как-то спросили о его отношении к низшим кастам, он ответил: «Только те относятся к низкорожденным, кто забыл об истинном Господе и живет, не получая благоволения от имени его. Только они относятся к низшим кастам — другого различия нет» [12, т. I, 149]. Такой взгляд на касту характерен для вероучителей многих средневековых сект, и можно предположить, что взгляды Нанак на этот институт сложились под влиянием их идей. Можно упомянуть также пример ислама, все увеличивавшего тогда свое влияние в Индии и не признававшего кастовых делений. В противовес ортодоксальной религии, утверждавшей превосходство высших каст, Нанак проповедовал: «Я певец низшей касты» [12, т. I, 230]. В другом месте он говорит [21, 8—9]:

Есть низшие из людей среди низших каст.
Нанак, я пойду с ними. Что делать мне с великими?
Милосердный взгляд Господа падает на тех,
Кто помогает низшим...

Квинтэссенция отношения сикхов к касте изложена в следующих строках гуру Амар Даса [цит. по: 5, 179]:

Ни один человек не должен гордиться своей кастой.
Только тот человек, который ощутил бога в своем сердце,
Является истинным брахманом — и никто иной.
Так не кичись, глупец, своей кастой!
Мирское зло возникает из-за кичливости.
Хотя и говорят, что существуют четыре касты,
Ведь всех людей создал один всевышний.
Все люди вылеплены из одной и той же глины.
Великий гончар придавал им только различную форму.
Все люди созданы из одних и тех же пяти элементов.
Никто не может убавить какой-либо элемент
у одного человека и прибавить его другому.

Впрочем, идея бога как творца всего сущего, «причины всех причин», «первопричины», как его зовут в сикхской литературе, привела Нанак к признанию того, что и каста, против которой были обращены его проповеди, является творением бога; по его словам, до сотворения мира «никто не мог увидеть касты» [12, т. I, 166], т. е., как и вся вселенная, она была создана богом.

Нанак старался быть решительным реформатором, но оставался всегда сыном своего века. Поэтому его нововведения в отношении касты если и не были голословными, то отличались пассивностью и ограниченностью. Однако если ему и не было суждено решить проблему касты, то он по крайней мере много сделал своей проповедью и поведением для ее разрешения.

Утверждение равенства всех людей перед богом предполагало и равенство женщины с мужчиной. Для вероучителей сикхизма женщина — это подруга по вере, преклоняющая колена перед престолом их бога. Как проповедовал Нанак [цит. по: 5, 178]:

Мы зачаты в лоне женщины,
Мы рождены женщиной.
Мы помолвлены с женщиной и обручены с ней.
Женщина — друг, сопровождающий нас в жизни.
Благодаря женщине народ продолжает свою жизнь.
Когда спутник жизни умирает, мужчина ищет себе
другого спутника.
Так благодаря женщине устанавливаются связи общества.
Почему же тогда мы считаем женщину проклятым,
низким существом,
Если женщина дает жизнь вождям и правителям?
Только от женщины рождается женщина,
Без женщины человек не мог бы появиться на свет.
Без женщины, о Нанак, существует только Вахегуру...

Так же высказывались сикхский вероучитель Бхай Гур Дас: «Женщина — вторая половина мужчины и в таком качестве помогает ему достичь спасения» [17, 11] — и гуру Хар Говинд, для которого женщина — это «совесть мужчины» [17, 11]. Практика общины показывает, что такие проповеди не остались чисто голословными. О том, что сикхи добились больших успехов в деле раскрепощения женщины, пишет В. И. Кочнев: «Женщины в Пенджабе пользовались и пользуются относительно большей свободой, обладают большими правами, чем в остальной Индии... Если в остальной Индии вдова фактически находилась вне общества, то в Пенджабе она в какой-то степени могла устраивать свою дальнейшую судьбу. Были случаи, когда женщина выходила замуж трижды, и при отсутствии прямых наследников по мужской линии часто вдова наследовала все состояние... Женщины в Пенджабе, как правило, не вели затворнического образа жизни» [3, 18—19]. Однако тот же исследователь отмечает, что в некоторых высших индусских кастах сохранился обычай самосожжения вдов (сати), против которого проповедовали вероучители сикхизма, и что не все женщины Пенджаба «были полноправными участницами производственно-трудовой деятельности. Исключение составляли... женщины в раджпутских и в богатых мусульманских семьях, а также у высших индусских каст» [там же]. Таким образом, проповедь гуру возымела действие отнюдь не на всех. Выступая против сати, Нанак и его последователи осудили и другой варварский обычай индуизма — убийство новорожденных девочек, и их пропаганда, видимо, принесла свои плоды, так как «случаи убийства новорожденных девочек в Пенджабе были сравнительно редки» [3, 19].

Итак, если каждый вне зависимости от своей социальной и кастовой принадлежности и пола может достичь спасения — выхода из цепи перевоплощений, то каким образом человек способен добиться желанного слияния с божеством? Сикхизм отвергает традиционные способы индуизма и мусульманства. Согласно учению гуру, бога следует искать «в душе своей, Господь в тебе самом» [12, т. I, 13]; поэтому общение с божеством не нуждается в посредничестве священнослужителей. Произведения гуру содержат призывы отказаться от услуг духовенства и предпочесть посредничеству, священнослужителей мистическое общение с милостивым и всепонимающим богом. Неприятие духовенства сопровождается в учении сикхизма

проповедью, иногда весьма резкой, против священных книг индуизма и мусульманства. Имя бога должно быть «выгравировано на нашем существе» [21, 13], а не на страницах священного канона. «Прокляты жизни тех, кто пишет имя бога и продает его» [12, т. I, 36],— говорил Нанак. Выступая против монопольного посредничества индусского и мусульманского духовенства в общении верующего с богом и предпочитая божественному знанию божественное откровение, ранний сикхизм отказывался признать веды и Коран священным авторитетом. Стремление отмежеваться от основного древа индуизма звучит в словах Нанака [12, т. I, 229]:

Человек может нагрузить книгами повозки; Он может навьючить их на людей и таскать за собой; Книги можно навалить на лодки, ими можно заполнить шахты;

Человек может читать книги месяцами; Он может читать их годами; Он может читать их всю жизнь; Он может читать до последнего своего дыхания — Нанак, только одно слово, имя божье, Будет иметь значение...

Однако подобные высказывания характерны скорее для периода зарождения сикхизма, когда его собственный канон еще не сложился. Уже при гуру Арджуне встречаются ссылки на боговдохновенность вед, пуран и т. п. [23, 63]. В конце концов, видимо, традиция одержала верх, и пятый гуру в соответствии с ней нередко ссылается на авторитет индусского священного „канона [23, 75, 90 и т. д.]; кроме того, сикхи сделались обладателями собственного священного писания, и нападки на такую литературу в принципе стали неуместны. В дополнение к этому нужно сказать, что вне зависимости от воззрений поздних гуру простые тактические соображения должны были заставить их взглянуть на древнюю литературу индусов по-иному. Причина того, что сикхизм не получил широкой популярности в стране, кроется отчасти и в том, что он слишком громогласно провозгласил свой разрыв с тысячелетней традицией. По-видимому, в конце концов отношение к древним книгам индусов сложилось такое же, как у сект, о которых пишет И. Барт: «Древняя священная литература, веды, пураны, эпос и т. д. вообще сохранили свой ореол святости; их не всегда отвергали. Но книги секты, исходящие прямо или косвенно от гуру, уже были независимы от них» [1, 263].

Сикхизм провозглашал свое полное равнодушие к распрям между индусами и мусульманами, утверждал полный разрыв с их верованиями и готов был принять в свои объятия верующих обеих религий. Гуру Арджун проповедовал [21, 80]:

Я не соблюдаю ни индусских постов, ни мусульманских постов рамазана.

Я служу Ему, и Ему одному, который есть мое последнее прибежище.

Я порвал и с индусом, и с турком.

Я верю в одного Господа, который также и есть Аллах.

Я не совершу хадж в Мекку и не преклонюсь перед святыми местами индусов.

Я буду служить лишь Ему, и никому боле.

Я не преклонюсь перед идолами и не стану читать намаз, Я помещу сердце свое к стопам одного Всевышнего. Мы ни индусы, ни мусульмане.

Мы посвятили тела свои и души Аллаху-Раме.

«Нет индусов и нет мусульман»,— не устает проповедовать первый гуру [12, т. I, 37], и политика веротерпимости приносит плоды. Имеется много свидетельств того, что среди последователей сикхизма в ранний период можно было найти немало мусульман. Впоследствии веротерпимости общины предстояло столкнуться с большими испытаниями: могольские императоры становились все фанатичнее, конфликты их с сикхами участились, пока не переросли в конце концов в настоящую войну. Поэтому во времена последних гуру обращение мусульман в сикхизм почти прекратилось; однако в правление Говинда Сингха и даже Банды в рядах сикхов можно было увидеть мусульман.

Отвергая традиционные пути спасения, Нанак наполнил свою религию духом иконоборческого пуританизма; пытаясь максимально упростить культ, он призывал отказаться от сложной обрядности, церемоний и паломничества. И не его вина, что впоследствии простота и иконоборчество его веры почти перестали существовать.

Не видя смысла в постах, паломничествах, сложных церемониях и заучивании древних текстов, сикхизм предлагает путь спасения, состоящий в следовании указаниям наставника-гуру, моральной жизни и медитации над именем бога, сопровождаемой погружением в безграничную любовь к божеству.

Если наибольшее внимание в сикхском священном писании уделяется воспеванию бога и проповеди любви к нему, то на втором месте идет, безусловно, призыв к поклонению перед наставником и беспрекословному подчинению ему. «Тот, кто вдохновлен богом, служит гуру», — говорил Нанак [12, т. I, 149]. Произведения вероучителей секты пронизаны проповедью послушания гуру. По преданию, испытывая нескольких сикхов на верность себе, Нанак указал на труп, покрытый простыней, и заявил: «Пусть тот, кто хочет следовать за мной, отведаст этого». Никто из присутствующих не согласился на это предложение, лишь слуга Нанака, Лахина (будущий гуру Ангад), «остался непоколеблен в своей вере в гуру» и спросил только, с чего ему начать: с головы или с ног [12, т. I, 184]. Лахина ставился в пример всем сикхам. Подчинение духовному наставнику издавна было требованием индуизма, однако именно в рассматриваемый исторический период почитание гуру, находившееся на грани обожествления, получило широкое распространение. Личность гуру заполнила вакуум, образовавшийся при отказе от древних авторитетов: «Богословие отодвинулось на задний план и необыкновенно упростилось. Авторитет, который прежде держался на более или менее искусственном согласии с традицией незапамятной давности, в конце концов перешел всецело к самому слову гуру» [1, 262], — писал И. Барт.

Как указывалось выше, гуру считали, что «хаумаи» — эгоизм, греховные устремления, имеющие начало еще в прошлых рожденьях, — влекут человека в пучину порочности и не дают ему слиться с божеством. Согласно «Квинтэссенции сикхизма», «хаумаи» — это «перегородка, отделяющая индивидуальную душу от всеобщей души» [17, 112]. Одних слабых человеческих сил недостаточно, чтобы противостоять злему началу и, победив его, слиться с божественной субстанцией. Но человек укрощает искушения и борется с порочными устремлениями не в одиночестве — на пути к спасению его поддерживает рука гуру: «Посредством гуру человек обретает подлинную жизнь, и посредством гуру отправляется он в жилище бога. Нанак, посредством гуру человек поглощается Истинным» [12, т. I, 149]; «гуру — это река, откуда всегда можно зачерпнуть чистой воды, которой смывается грязь порочных побуждений» [там же, 148].

Говоря о месте гуру, сикхские вероучители подчеркивали, что миссия гуру не божественная, но пророческая. «Господь милостью своей послал гуру на землю; гуру дал нектар священных истин, чье одно лишь прикосновение рассеивает туманы майи», — говорит гуру Арджун [23, 89]. Однако довольно рано проявилась тенденция наделять главу общины сверхъестественными качествами, и нет сомнения в том, что в глазах рядового сикха духовный наставник не выглядел просто человеком. Формируется образ мудрейшего, непогрешимого учителя, свободного от «греха, радости и грусти» [17, 134]. Передают слова Нанака о том, что «все остальные могут ошибиться, лишь гуру и бог безгрешны» [там же]. По всей видимости, гуру не довольствовались пророческими функциями, и в конце концов образовалась вера в их божественное происхождение. В сикхизме нашла отражение и теория аватар: считалось, что каждый последующий гуру является воплощением Нанака. Мухсим Фани, автор хроники «Дабистан-и-Мазахиб», пишет, что один из гуру (Хар Говинд или Хар Раи) подписывал свои послания к нему именем Нанак [21, 24]. Лишь последний гуру, Говинд Сингх, резко выступил против того, чтобы гуру называли богом, и вообще упразднил этот пост, передав духовные функции главы общины сикхскому священному писанию «Ади Грантх», а светские — выборным органам «пантх» типа традиционного индийского панчаята. Личность гуру была в отдельные периоды цементирующей силой общины; однако этот пост нередко, особенно при

последних гуру, служил причиной раздоров, и отчасти поэтому Говинд Сингх отказался назначить себе духовного преемника.

Под руководством гуру сикх должен вести праведную жизнь; проблемы морали и этики занимают в сикхизме исключительно большое место, и проповедь добродетельного поведения является одной из его основных отличительных черт. Несомненно, сикхизм во многом основан на утверждении беспрекословного подчинения гуру, что дает повод некоторым исследователям считать именно этот аспект его учения наиболее характерным. Однако требование преданности гуру выдвигалось и в других сектах — Чаитаньи, Валлабхи, у суфиев и т. д., причем иногда даже в более резкой форме. Поэтому нельзя согласиться с тем, что именно эта сторона сикхизма выделяет его из других религиозно-реформаторских систем того времени.

Сикхизм - проповедует традиционные добродетели: честность, доброту, скромность, верность и т. п. Как говорит гуру Амар Дас, "«пусть сикх служит добрым людям и не тронет денег, принадлежащих другим. Пусть делит он радости и горести с соседями своими. Пусть ест он, только когда голоден, пусть спит он только тогда, когда его клонит ко сну... Пусть не знает он вожделения, гнева и жадности. Пусть не выставляет он напоказ своих добродетелей» [17, 175]. От других религий сикхизм отличает прежде всего то значение, которое сикхские вероучители придают следованию в жизни моральным нормам.

Призывая верующих к умеренности, сдержанности и т. п., гуру сикхов не проповедуют аскетизм, религиозное нищенство, отказ от семейной жизни. Как и Валлаб-ха, Нанак утверждал, что «не обязательно мне рвать свою одежду или облачаться в тряпье. Люди, сидящие дома и работающие в своей обычной одежде, найдут Господа, если отдадут душу поискам его» [12, т. I, 102]. Когда, по преданию, некий йог начал стыдить Нанак за то, что тот, будучи святым человеком, не пренебрегает радостями семейной жизни, Нанак ответил: «Покинув семейную жизнь, ты сделался анахоретом, а тем не менее ты ходишь просить милостыню в дома семейных мужчин. Если ты ничего не делаешь здесь, что можешь получить ты в загробном мире?» [12, т. I, 157]. Смысл жизни сикха должен состоять в том, чтобы зарабатывать себе на жизнь и делиться с другими: «Только тот, кто ест то, что сам зарабатывает, и дает часть другим, знает путь» [10, 524]. Автор шеститомной «Религии сикхов» М. Маколиф пересказывает такой случай: «Ганго, кхатрий из племени басси, пришел к гуру Амар Дасу и спросил: „Господин, как мне обрести спасение?“ — „Открой ростовщическую контору в Дели“, — отвечал гуру» [12, т. II, 115]. Не связывая верующего необходимостью чрезмерного подвижничества, не требуя от него совершения длительных паломничеств и т. д., учение Нанак приобрело популярность среди торгово-ремесленных слоев и крестьян: «Так как Нанак хотя и не запрещал формально, но все же отсоветовал ученикам своим отказываться от деятельной жизни, то секта, за немногими исключениями, состояла только из отцов семейств, промышленников, земледельцев и купцов», — пишет И. Барт [1, 281]. Однако, по мнению Нанак, и в обыденной жизни не исключена возможность своеобразного аскетизма и самоотречения: «И в самой домашней жизни может быть самоотречение. Если от чего-либо стоит отречься, то это от порока» [17, 152]. Таким образом, в традиционное понятие здесь вкладывается новое содержание.

Сикхизм требует от своего последователя не только соблюдения каких-либо морально-этических норм и предписаний. Моральная жизнь сама по себе может обеспечить более счастливое рождение в будущем, но человеческая жизнь в любом случае не есть нечто желанное, потому что конечной целью является растворение в божестве. В сикхизме воедино слиты морально-этическая и собственно религиозные стороны, причем вера имеет доминирующее значение. Нанак учит: «О безумный, почему не думаешь ты о том, что, забыв бога, ты лишишь смысла все свои добродетели?» [10, 522]. В дополнение к праведной жизни сикх должен постоянно размышлять об имени божьем; предлагаемый сикхизмом путь спасения называется «нам-марг» или «сахадж-йога»; обращаясь к сикху, основатель сикхской веры говорит: «Наполни мозг свой словом гуру, облачись в одежды всепрощения, отдайся на волю Господа, не движимый ни удовольствием, ни болью. Так собираются сокровища „сахадж-йоги"» [17, 169]. Современный сикхский автор так описывает «нам-марг»: «Совершать „нам" —

значит испытывать присутствие Господа, всегда сохраняя его в умах наших путем пения хвалы ему или размышления о великих достоинствах его» [цит. по: 17, 171].

Объясняя сущность «нам-марга», толкователи сикхизма пишут о том, что он включает «преданность», «служение», «полную отдачу себя», «страстное стремление», «жажду соединения с возлюбленным» и т. п. [17, 171—172]. Таким образом, речь идет о традиционном понятии бхакти, но в сикхизме оно дополняется необходимостью постоянного размышления над именем бога, призывами к нравственному поведению и сопровождается требованием беспрекословного подчинения, гуру, который один может вывести человека на верный путь спасения. Вступив на путь «нам-марга», сикх проходит последовательно пять стадий" духовного совершенствования («кханд»), и в конце пути душа его сливается с божеством, цепь превращений навсегда прерывается и наступает состояние, постигаемое только личным опытом и не поддающееся описанию.

Таковы в самых общих чертах основные положения учения, созданного Нанаком и дополненного его последователями. Это учение излагалось нами в такой форме, в какой оно сложилось к началу правления десятого гуру Говинда Сингха. Произведенные последним изменения не затронули коренных догматов сикхской веры, однако были настолько значительны, что заслуживают отдельного рассмотрения.

За Нанакком следуют гуру Ангад (время правления 1539—1552), Амар Дас (1552—1574), Рам Дас (1574— 1581), Арджун (1581 — 1606), Хар Говинд (1606—1645), Хар Раи (1645—1661), Хар Кришан (1661—1664), Тег Бахадур (1664—1675) и, наконец, Говинд Сингх (1675—1708). К моменту вступления на пост гуру Говинда Сингха в общине произошли важные изменения, в небольшой степени коснувшиеся ее догматики, но в основном области организационной; изменился также и социальный состав последователей гуру.

В правление второго гуру, Ангада, началась широкая пропаганда алфавита гурмукхи, что должно было еще более отделить общину от индуизма, канон которого был записан на санскрите, не понятном широким массам. Стремясь воплотить в жизнь идею слияния каст, гуру Ангад содержал бесплатную кухню — лангар (она и поныне является неотъемлемой принадлежностью сикхских святынь — гурдвар), где лично наблюдал за приготовлением пищи. По всем сведениям, второй гуру вел скромный образ жизни, полностью соответствовавший наставлениям Нанак, подношения верующих делались ему нерегулярно, добровольно, и размер их не был фиксирован. Эти подношения не служили обогащению главы общины, а расходовались в основном, видимо, на содержание лангара.

Занявший место гуру в возрасте 73 лет, Амар Дас сумел сделать немало для пропаганды идей секты; в частности, он отправил более 100 миссионеров в разные концы Индии [17, 26]. При нем были учреждены сикхские праздники, брачная церемония «ананд» [18, 8], вырыт священный пруд и, таким образом, начался отход от первоначального иконоборчества и простоты сикхизма. К этому же периоду относятся первые столкновения сикхов с ревнителями индуизма — брахманами [20, т. I, 64]. Наметилось новое отношение к мирским благам: «Владение богатством больше не рассматривалось как порождение майи, а приветствовалось как очень полезное дело в человеческой жизни» [22, 25]. Видимо, большинство последователей гуру в этот период составляли представители торгово-ремесленных городских слоев. Выше уже приводился совет третьего гуру, данный им человеку, искавшему путь спасения: «Открой ростовщическую контору в Дели» [12, т. II, 115]. Общину все еще характеризует мирный, непротивленческий характер, полностью соответствующий взглядам Нанак. Автор одной из первых историй сикхов, «Сикхан де радж ди викхиас», пишет: «Этот гуру Амар Дас был очень хороший, святой человек; говорят, что за всю жизнь никто не видел его рассерженным... хотя мусульмане много изводили Баба Амар Даса и его учеников, он никогда не обращался к ним с резкими словами, но в душе своей молился об их благополучии, потому что считал, что все беды и все радости исходят от бога» [11, 17]. И далее: «Когда ученики его обратились к нему со словами: „О гуру! Как долго мы будем терпеть тиранию мусульман?" — он тогда ответил: „Терпите ее всю свою жизнь, потому что мстить противно истинной вере; помните также, что нет подвижничества, равного терпению, и нет счастья, равного снисходительности, и нет греха

большого, чем завистливость, и долга важнее долга милосердия, и оружия лучше, чем мягкость"» [там же]. Естественно поэтому, что община поддерживала с Моголами отнюдь не враждебные отношения, тем более что на делийском престоле сидел тогда Акбар, возведший веротерпимость в государственный принцип.

Четвертый гуру, Рам Дас, заложил будущую столицу сикхов — Амритсар; сикхи стали обладателями места паломничества. Главным вкладом Рам Даса в формирование общины следует считать, во-первых, то, что он сделал власть гуру наследственной (до него каждый гуру назначал себе преемника из числа наиболее преданных сикхов) и основал настоящую династию, и, во-вторых, то, что он упорядочил систему взимания податей. Определенные пожертвования получали от верующих и второй и третий гуру, и Амар Дас даже разделил области, в которых были сикхи, на 22 округа («манджи»), каждый из которых управлялся назначенным им человеком [17, 27]. Помимо руководства в вопросах чисто религиозных эти лица, видимо, должны были собирать пожертвования и препровождать их гуру, однако вся эта система находилась при третьем гуру еще в зачаточном состоянии. Рам Дас усовершенствовал организационную структуру секты и сделал подношения своих подданных регулярными и фиксированными. Назначенные гуру «масанды» должны были собирать с членов общины десятую часть их доходов [17, 29]. Как и при ранних гуру, большую часть сикхов составляли, очевидно, представители торгово-ремесленных слоев; передают слова Рам Даса, обращенные к сикхам: «Когда сикх открывает прибыльное дело, вступайте в долю и молитесь за него. Если вы видите, что дело не идет из-за отсутствия капитала, соберите для него деньги, где только возможно, и пожертвуйте сами» [12, т. II, 275]. Четвертый гуру широко поощрял в своих владениях торговлю: «он приглашал торговцев открыть дело в городе, а получаемые таким образом налоги давали ему возможность распространить свою деятельность на отдаленные части Индии» [20, т. I, 55].

Таким образом, в период правления четвертого гуру руководитель секты начинает превращаться из смиренного проповедника в главу централизованной религиозной организации; намечается тенденция к превращению гуру в светского властителя; продолжается отход от первоначальных пуританских принципов сикхизма. Логическим завершением этих тенденций явилась деятельность пятого гуру, Арджуна, который основывал храмы (в частности, «Хари Мандир» в Амритсаре), приказывал рыть водоемы, становившиеся местами паломничества; он развил бурную организаторскую деятельность, совершенствуя систему «масандов», и призывал сикхов «осваивать новые профессии. Некоторыми из этих профессий были ростовщичество, вышивание, плотницкое дело и торговля лошадьми» [17, 31]. Сикхи в этот период посылались гуру в Туркестан, где покупали лошадей для последующей перепродажи их в Индии. Вероучитель сикхов превращается в настоящего феодального властителя, имеющего свою гвардию и двор.

Одновременно Арджун, будучи духовным главой общины, активно проповедовал ее идеи и привлек в лоно сикхизма многочисленных последователей: «За пять лет путешествий по Центральному Пенджабу Арджун привлек на свою сторону тысячи джатов...» [20, т. I, 57]. В литературе постоянно встречаются указания на бурный рост общины при пятом гуру: «Число сикхов необычайно возросло. Не было почти ни одного города в Пенджабе или вне его, где не было бы сикхов» [22, 27]. Арджуном был написан ряд сочинений, в частности упоминавшаяся выше поэма «Сукх мани», однако наиболее важный вклад в формирование и сохранение религии сикхизма он внес, организовав составление «Ади Грантх». В результате у сикхов появился свой канон, сделавшийся важным фактором в распространении учения гуру.

Отношения сикхов с Моголами в это время перестают быть такими мирными, как ранее. Пришедший на смену Акбару Джахангир с недоверием относился к появлению на северо-западной границе своего государства мощной организации с большим числом преданных сторонников. Сикхская традиция так рисует последние дни пятого гуру: его вызвали в Лахор и предъявили обвинения в том, что он помог деньгами мятежному принцу Хосроу и посеял смуту составлением «Ади Грантх». Арджуна заключили в тюрьму и подвергли пыткам; в мае 1606 г. он был убит.

Некоторые исследователи считают, что гуру действительно оказал помощь Хосроу; так или иначе, дело, видимо, было не в каких-либо имевших или не имевших место личных противоречиях Арджуна с императором (хотя, если таковые имели место, это, несомненно, ускорило развязку), а в том, что Могольское государство терпело соседство с мирной общиной, но не могло ужиться с сильной церковной и светской организацией.

Имя пятого гуру сделалось символом непримиримой ненависти сикхов к Моголам. По преданию, перед тем как ехать в Лахор, Арджун назначил сына на свое место и сказал ему: «Близятся времена, когда силы добра и зла столкнутся. Так что готовься, сын мой. Опоясь оружием и призови к тому же своих последователей. Борись с тиранами, пока не образумишь или не изгонишь их» [18, 12].

Предшественники шестого гуру, Хар Говинда, оставили после себя сложившуюся полугосударственную организацию, иерархическую систему и горькое чувство мести за убийство последнего гуру. Процесс превращения духовной власти в светскую, бурно проходивший при его отце, помог Хар Говинду заложить военное могущество общины. По словам И. Барта, после смерти Арджуна «община сикхов очень быстро преобразовалась в военную теократию, которой племя джатов доставляло фанатичных солдат» [1, 282]. Однако, несмотря на все военные приготовления, при жизни Джахангира отношения общины с Моголами не были отмечены серьезными конфликтами; и лишь после вступления на престол Шах Джахана происходит ряд столкновений сикхов с могольскими войсками. В конце концов Хар Говинд был вынужден перенести свою резиденцию в предгорья Гималаев, в Киратпур, так как, несмотря на некоторые успехи, сикхи не могли противостоять армии Моголов на равнине.

Таким образом, в правление шестого гуру укрепляется военная организация общины; сикхи приобретают тот боевой дух, который будет отличать их весь последующий период, и воинские навыки. Изменился в этот период социальный состав общины: большую часть сикхов стали составлять крестьяне-джаты. По словам современного историка сикхизма Хушванта Сингха, «перенесение акцента с мирного распространения веры на открытое утверждение права защищать эту веру силой оружия оказалось весьма популярным. По своей природе пенджабцы были напористым и энергичным народом и нуждались только в руководителе, который повел бы их в бой. Хар Говинд вселил в них уверенность, что они могут бросить вызов мощи могольского императора. Большие массы крестьян откликнулись на призыв к оружию» [20, т. I, 66]. Все это были первые шаги процесса, который завершился в начале XVIII в. мощным движением под предводительством Банды. В идеологию общины эти годы не внесли значительного вклада; как отмечает с неудовольствием набожный автор «Сикхан де радж ди викхиас», Хар Говинд «всю жизнь занимался ссорами и не сочинил ни одной песни» [И, 26].

При следующем, седьмом гуру община переживала период мирного развития, характеризовавшийся застоем в военной и организационной деятельности. Гуру Хар Раи большую часть жизни провел в горной деревушке, куда его вынудили переселиться начавшиеся после смерти Хар Говинда распри среди претендентов на главенство в общине и опасность мести со стороны могольских властителей за поражения при предыдущем гуру. Сын седьмого гуру, Хар Кришан, ставший его преемником, умер от оспы в возрасте 8 лет, и его правление не отмечено ничем, достойным упоминания.

Девятому гуру, Тегу Бахадру, было суждено разделить судьбу Арджуна. Во время его правления сикхи неоднократно вступали в столкновения с Моголами; возродилась воинственность, отчасти угасшая со времен Хар Говинда. Приведенный И. М. Рейснером отрывок из фирмана Аурангзеба, направленного девятому гуру, свидетельствует о том, что Тег Бахадур не расставался с надеждой соединить духовную силу с силой оружия: «Если, как в прежние времена, подобно бедным факирам секты Нанака, вы будете мирно жить в углу [в безвестности], вам не будет [причинено] вреда. Наоборот, милостыня, достаточная для вашего содержания как факира, будет предоставлена вам из государственного казначейства, как это делается в отношении других групп людей, занятых вознесением молитв... Но вы должны удалить лошадей и оружие, которые вы собрали в вашем доме богослужения» [6, 195]. В 1675 г.

Тег Бахадур был схвачен солдатами императора и после отказа принять ислам казнен в Дели [18, 38].

Десятый гуру сикхов, Говинд, родился в 1666 г. К тому времени, как он занял в 1675 г. место своего отца, община существовала уже полтора столетия. За это время она не смогла приобрести всех тех качеств, которые хотел бы в ней видеть ее основатель и которые провозглашались ее религией. Гуру не удалось полностью уничтожить в общине кастовые различия [1, 278]; среди верхушки масандов благочестие часто уступало место корыстолюбию; беспрестанные распри среди родственников почти всех гуру еще больше подрывали единство общины, и так отчасти разделенной кастово и социально; начал предаваться забвению первоначальный пуританизм общины и т. п. Тем не менее сикхи обладали сложившейся за длительное время идеологией, кастовые и другие различия были у них гораздо менее острыми, чем у других групп индусского населения, они объединялись ненавистью к Моголам и общей верой, имели религиозные центры. Число сикхов было довольно велико, и они жили не только в Пенджабе, но и по всей Северной Индии. Система масандов при всех ее пороках внесла в общину элемент организованности; усилиями предшественников Говинда было воспитано чувство дисциплины; делались попытки, иногда небезуспешные, создать боеспособную армию.

Видимо, основной пружиной деятельности десятого гуру большую часть его жизни было чувство ненависти к мусульманским властителям Дели и их наместникам в сикхских районах Пенджаба. Праведная месть за убийство отца, стремление покончить с преследованием единоверцев (наносся удары по индуизму, Аурангзеб не обошел и сикхов; например, был отдан приказ разрушить их храмы и т. п.) — все это слилось с его неистощимой энергией, религиозным энтузиазмом и способностями сильного руководителя. Говинд, видимо, был одержим мессианской идеей защиты справедливости и искоренения порока; как пишут современные историки сикхизма, «во время изучения пуран на него произвела глубокое впечатление та идея, что бог время от времени посылает спасителя для защиты добра и искоренения зла» [22, 60—61]. Говинд говорит в своей автобиографии («Апни катха»): «Я пришел в мир выполнить свой долг — везде защищать правое дело и покарать зло и порок. О вы, святые люди, твердо знайте, что я родился лишь затем, чтобы увидеть, как процветает справедливость, чтобы могли жить добрые люди, а тираны были вырваны с корнем» [20, т. I, 77].

Для того чтобы осуществить свою миссию, Говинд произвел важные изменения в общине; он боролся против кастовой ограниченности и идолопоклонничества, уничтожил систему масандов, образовал новое сообщество сикхов — хальсу — и упразднил пост гуру.

Говинд преследовал прежде всего цель создать единую, не раздираемую острыми противоречиями, централизованную общину, и осуществление им на практике идеи слияния каст было первостепенной мерой. Говинд видел также, что ислам вербует сторонников среди индусов не только благодаря насилию и что «многие были обращены по своей воле, особенно среди внекастовых и неприкасаемых, видевших в обращении способ бегства от нестерпимой социальной приниженности» [25, 141]. Антикастовая политика десятого гуру оказалась, судя по всему, успешной: «Низшие и презираемые, кондитеры и парикмахеры, дхоби и подметальщики приходили, и с прикосновением владыки исчезали унижительные различия, поддерживавшиеся священниками в течение веков, и они становились членами братства святых воинов» [18, 55]. По словам средневековой хроники, «многие земледельцы, бедные люди и воры этого района вступали в ряды его последователей. Кхатрии, джаты, плотники, кузнецы, крестьяне, торговцы зерном, купцы — все приходило к нему и восклицали: я становлюсь сикхом» [цит. по: 6, 157].

Упразднение системы масандов было одним из важнейших шагов Говинда. Как указывалось выше, система эта была создана Амар Дасом и усовершенствована Рам Дасом и Арджуном. Сначала масанды, видимо, ревностно исполняли приказы гуру и преданно служили делу общины, однако впоследствии многие из них приобрели вкус к земным радостям и манеры настоящих повелителей: «Ко времени Говинда Сингха их жизнь и поведение стали носить скандальный характер. Их жизнь протекала в низменных удовольствиях и греховной роскоши. Они путешествовали со своими наложницами, слугами и лошадьми, требуя, чтобы им

оказывали гостеприимство, приличествующее полномочным представителям гуру» [18, 169]. Хушвант Сингх отмечает «Многие масанды сделались гуру в своих приходах и начали назначать себе преемников. Вместо того чтобы распространять сикхизм и передавать гуру собранные подношения, многие из них занялись ростовщичеством и торговлей на те „подношения“, которые они вымогали у бедного крестьянства» [20, т. I, 82]. Насколько далеко зашло корыстолюбие наместников гуру, говорит тот факт, что сикхам иногда приходилось продавать украшения своих жен, чтобы удовлетворить непомерные требования масандов [18, 169]. Для того чтобы покончить с этой порочной практикой и положить конец центробежным тенденциям в общине, Говинд ликвидировал институт наместников, идя при этом на известный риск, так как на время его казна должна была лишиться источника дохода. Он отказался от прежней системы сбора подношений и приказал сдавать их лично гуру во время ежегодной ярмарки в месяце байшакхи.

29 марта 1699 г. Говинд на ежегодном собрании сикхов в Кешгархе неожиданно обнажил свой меч и заявил: «Преданные друзья мои, эта богиня ежедневно требует головы другого сикха. Есть ли среди вас кто-нибудь, кто пожертвует жизнью по моему призыву?» [18, 137]. Из всей толпы лишь пятеро согласились пожертвовать жизнью по призыву гуру. Он сделал вид, что отрубает им головы одному за другим в шатре, а затем вывел их оттуда невредимыми, вознося хвалы их преданности, и окрестил их «панч пьяра» — «пять возлюбленных». Так, по преданию, началось создание сикхского братства — хальсы.

На другой день Говинд совершил обряд посвящения «пятерых возлюбленных»: «Гуру помешал воду, налитую в железный сосуд, обоюдоострым кинжалом... В это время жена его, Сахиб Деви, принесла сладости... и бросила их в воду. Затем гуру дал испить этим пяти сикхам пять горстей этой воды. Пятью горстями он побрызгал волосы и пятью глаза каждого, а они каждый раз повторяли сикхское приветствие: "Вах гуру джи ка хальса, вах гуру джи ка фатех". Он приказал им всегда иметь пять „к" (пять предметов, название которых начинается с буквы „к"): длинные волосы, гребень, браслет, короткие штаны и меч, защищать слабых и быть готовыми к битве» [17, 54]. Говинд нарек их «хальса» («чистые») и обратился к ним с речью, содержание которой излагается в отчете официального летописца Аурангзебу: «Гуру сказал: „Пусть все примут одну веру и покончат с религиозными различиями. Пусть откажутся от четырех индусских каст, предписывающих разные нормы поведения, примут одну форму поклонения и станут братьями. Пусть никто не чувствует превосходства над другими. Пусть никто не будет отдавать дань Гангу и другим местам паломничества, о которых с почтением говорят шастры, или поклоняться воплощениям, таким, как Рама, Кришна, Брахма или Дурга, а уверуют в гуру Нанака и других сикхских гуру. Пусть все четыре касты примут мое посвящение, едят из одного блюда и не чувствуют друг к другу ни отвращения, ни презрения"» [цит. по: 18, 147—148]. Затем Говинд попросил «пятерых возлюбленных» совершить над ним тот же обряд. Множество сикхов прошло через обряд посвящения в этот и последующие дни. С этого времени сикхи получают аристократическую приставку к имени «Сингх» (лев).

Одним из важнейших нововведений явилось то, что Говинд Сингх не стал искать себе преемника и вообще упразднил пост гуру. Сначала он снял с личности гуру божественную оболочку, провозгласив: «Но хотя мысли мои блуждали в молитвах у ног всемогущего бога, я послан был, чтоб секту основать и дать ей правила. Но тот, кто видит во мне бога, тот будет проклят и погублен» [20, т. I, 87]; затем он выступил против веры в воплощения: «У бога нет ни друзей, ни врагов, он не обращает внимания ни на похвалы, ни на проклятия. Он наипервейший и безвременный, так как же может он выражать себя через тех, кому суждено родиться и умереть?» [там же, 88]. И наконец, придя к выводу, что пост гуру неминуемо останется причиной разногласий в общине, Говинд решил, что «Ади Грантх» и выборные представители («пантх») смогут выполнять функции главы сикхов.

Все основные догматы сикхской религии Говинд Сингх оставил неприкосновенными. Во всех своих сочинениях и высказываниях он проповедует единобожие: «Тот, кто не признает никого, кроме одного бога... только его можно считать истинным членом хальсы» [18, 114]. Бог

для Говинда, как и для Нанака, является бесформенной, безвременной, непознаваемой сущностью: «У него нет ни кольца, ни метки, ни цвета, ни касты, ни родословной, ни формы, ни строения, ни очертаний, ни одеяния, никто не может описать его» [20, т. I, 87]. Только любовь к богу может принести спасение («Тот, в чьем сердце живет беззаветная любовь к богу и кто безгранично верит в него... только его можно считать истинным членом хальсы») [18, 114], которое заключается в конечном слиянии с божественной субстанцией [20, т. I, 88]:

Как искры, вылетающие из пламени,
Падают на костер, из которого они вознеслись,
Как поднимающаяся с земли пыль,
Как волны, бьющиеся о гальку,
Откатываются назад и сливаются в океане,
Так из бога исходит все под солнцем
И к богу возвращается, когда закончен бег.

Говинд Сингх выступал против идолопоклонничества и аскетизма [20, т. I, 88]:

Если хочешь быть аскетом, делай это так:
Пусть дом твой будет твоим лесом,
Твое сердце — отшельником,
Мало ешь, мало спи,
Научись любить, будь милостив и выдержан,
Будь мягок, будь терпелив,
Не имей гнева и похоти, жадности и упрямства.

Не внося кардинальных изменений в религию Нанака, десятый гуру поставил своей целью практически реализовать ее догматы и очистить общину от наслоений, которыми она обросла за полтора века. Это было стремление создать общину, практика которой соответствовала бы ее вере. Говинд начал реформаторское движение за возвращение к идеалам первоначального сикхизма. Разделяя учение Нанака о добродетельной жизни, о воздержании от гнева, Говинд был вынужден внести в это учение новый дух — дух воинственности и праведного разрушения. Если вера первого гуру была предназначена для воспитания положительных эмоций, то учение последнего воспитывало чувство отрицательное — чувство ненависти к врагам сикхов, стремление силой оружия доказать жизнеспособность нового братства. По словам Хушванта Сингха, «единственное изменение, внесенное Говиндом в религию,— это показ им второй стороны медали. Тогда как Нанак проповедовал добро, Говинд Сингх клеймил зло. Один проповедовал любовь к ближнему, другой — наказание грешников. Бог Нанака любил своих святых; бог Говинда уничтожал своих противников» [20, т. I, 88].

Создание хальсы и введение особого одеяния и символов еще более выделили сикхов из основной массы индусского населения. Они не только чувствовали себя, но и были внешне особым народом. Введение обряда посвящения, через который должны были проходить и проходили все сикхи, помогало уничтожить кастовые различия и сплачивало посвящаемых, наполняя их сознанием важности общего дела. Ликвидация системы масандов и упразднение поста гуру устранили возможность всплеск сепаратизма и междоусобной борьбы за наследование титула вождя сикхов. По крайней мере частичное искоренение кастовых различий и борьба против индусских суеверий привели к расширению состава общины, еще более отдалили ее от индуизма. Кроме этого десятый гуру создал армию хальсы, вооружил и обучил ее; однако рассмотрение военно-политической деятельности Говинда, как и дальнейшей истории сикхской общины, выходит за рамки данной статьи.

В заключение отметим, что религия сикхизма до сего времени исследована мало, что объясняется не отсутствием интереса к вопросу, а прежде всего трудностями изучения сикхского священного канона «Ади Грантх» — большого по объему памятника (стандартный

размер книги —1400 стр.), написанного на многих языках и диалектах, использовавшихся в средневековой Индии. Кроме того, мало изучена духовная жизнь периода, в который формировалась сикхская догматика, в частности мировоззрение бхакти. Исследованный материал дает возможность прийти к выводу, что созданная На-наком и его последователями религия представляет собой довольно сложную систему догматов; будучи синтезом различных средневековых вероучений, она не носит чисто компилятивного характера и содержит ряд оригинальных воззрений. Сикхизм представляет большой интерес для историка религий, в частности как вера, являющаяся результатом взаимовлияния различных религиозных традиций, существовавших в Северной Индии в первой половине II тысячелетия н. э. Изучение религии Нанак представляет, однако, не только отвлеченный интерес, но и дает возможность понять мировоззрение сикхской общины, играющей важную роль в общественной жизни современной Индии.

1. Барт И., Религии Индии, М., 1897.
2. Гуру Нанак, М., 197Е.
3. Кочнев В. И., Пенджаб в период мисалей и образование государства сикхов, — «Индийский этнографический сборник», М, 1961.
4. Кочнев В. И., Государство сикхов и Англия, М., 1968.
5. Рабинович И. С., Сорок веков индийской литературы, М., 1969.
6. Рейснер И. М., Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв., М., 1961.
7. Семенова Н. И., Государство сикхов, М., 1958.
8. Семенова Н.И. История сикхского движения в Индии, М., 1963.
9. The Cultural Heritage of India, vol. 3, Calcutta, 1956.
10. History of Philosophy Eastern and Western, vol. I, London, 1952.
11. History of the Sikhs or Translation of the Sikhan de Raj di Vikhias, Lahore, 1888.
12. Macauliffe M. A., The Sikh Religion. Its Gurus, Sacred Writings and Authors, vol. I—IV, Oxford, 1909.
13. McLeod W., Guru Nanak and the Sikh Religion, Oxford, 1968.
14. Narang G. Ch., Transformation of Sikhism, Lahore, 1946.
15. Radhakrishnan S., Indian Philosophy, vol. I—II, London, [s. a.].
16. Singh G a n d a, A Brief Account of the Sikhs, Amritsar, [s. a.].
17. Singh Gobind, The Quintessence of Sikhism, Amritsar, 1958.
18. Singh Kartar, Life of Guru Gobind Singh, Lahore, 1951.
19. Singh K h u s h w a n t, The Sikhs, London, 1953.
20. Singh Khushwant, History of the Sikhs, vol. I—II, Princeton etc., 1963—1966.
21. Singh Teja, Sikhism. Its Ideals and Institutions, Bombay, 1951.
22. Singh Teja and Singh Ganda, A Short History of the Sikhs, vol. I, Bombay, 1960.
23. Sri Guru Arjan D e v, Sukh Mani, Delhi, 1959.
24. W i l s o n H. H., Civil and Religious Institutions of the Sikhs,— «The Sikh Religion», Calcutta, 1958.
25. Z a e h n e r R. C, Hinduism, New York, 1966.